

Возведение галереи Глазунова закрывает эпоху великих русских художников

Сергей Соловьев

Каким образом Илья Сергеевич вписал свой особняк рядом с кремлевской стеной (хотя, кажется, все было против него) – история, достойная картины маслом.

Три государственных художника Москвы. Один – гигант и космополит, другой – эстет и голубая кровь, третий – русский патриот и просветитель. Последним в строю нерукотворных памятников самому себе становится помещение Ильи Глазунова на Волхонке.

На пороге нового тысячелетия в Манеже открылась выставка Ильи Глазунова. Всякий уважающий себя искусствовед и либерал написал о примитивности его языка, о лубочности, о поповости, о националистическом мракобесии. Прошлись по образу проститутки в работах Глазунова (она – продажный Запад, она же – продаваемая Россия). И закончили выдержками из Набокова о пошлости и мещанстве.

Сам Илья Сергеевич, кажется, сделал все возможное, чтобы всякий нормальный человек пришел по меньшей мере в недоумение: «Я говорю от имени великой России, попранной в начале XX века», «Я – самый нищий среди богатых и самый богатый среди нищих», «Как называют женщину, которую покупают на час или на ночь? Проституткой... А как назвать человека, которого выбирают только на четыре года?»

Глазунов призван довести до абсурда традицию художника-гражданина XIX века. Он как будто стоит рядом с Репиным и Суриковым, но только пародировать их в низкопробной литературности и народности. Короче говоря, Глазунов – типичный русский реалист. И одним этим достоин быть увековеченным.

Сомнительно, однако, что именно за это московское правительство выделило более 100 млн. рублей для 5000 квадратных метров выставочных площадей. Бывший Дом науки и техники напротив Пушкинского музея приобретет накладную лепнину на фасадах, округлую башню с куполом со стороны храма Христа Спасителя и залы с восьмиметровыми потолками для размещения 300 подаренных полотен. Кстати, Илья Сергеевич со свойственной ему находчивостью приглушил возникшее вдруг чувство долга: он якобы передаст городу 300 своих картин на сумму 60 млн. долл. (в 10 раз больше денег, выделенных на строительство). К лету галерея Глазунова встанет в новое туристское кольцо по программе, рассчитанной на 10 лет: Манежная площадь – Шилев – Глазунов – ХХС – памятник Петру – ЦДХ – Третьяковская – Гостинный двор.

Неоспоримым аргументом для Лужкова была народная любовь. Памятные многочасовые очереди на выставки в 70-е годы

и толпа у манежных дверей в 2000-м. Между тем нынешние адепты Глазунова сильно отличаются от тех, кто во времена безвременья искал в голубых глазах его Сонечки Мармеладовой душевный покой и иконную духовность. Сегодняшний Илья Глазунов оказался последним в ряду живописцев «большого московского стиля».

«Величие» досталось Зурабу Церетели. Его всеядность и развитие по принципу самовоспроизводящейся амёбы идут от советской декоративности. Покрывать фресками километры площадей, сладить памятник и вписать лирику в юбилейный заказ.

«Художник» par excellence – Александр Шилев. В интелли-

подчеркивает с особенной настойчивостью). И тогда уже появляются аристократизм и державность. Совместить две эти русскости можно только на ненависти к не-русскому, отменяет «не наше». В деле идеологической фильтрации Глазунову особенно помогают страсть к учительству и юродству. Его Академия живописи, ваяния и зодче-

Илья Глазунов: Русь-матушка с иконами и державный аристократизм друг другу не мешают.

Фото ИТАР-ТАСС

Собственно о московском (или, как еще говорят, лужковском) стиле сказано достаточно. И про то, что это купеческое продолжение советского монументализма, и про башенки, и про кичевое православие, и про придворных мастеров. Но суть этого направления в том, что оно – совершенная деконструк-

гентской беретке, отгороженный альбомами Брюллова, он пишет красоту. Он выражает идею самоценного третьего соловья, которое расписывает дворянское древо, но во вкусах не поднимается выше конфетной обертки. Отсюда, кстати, большая дружба с «Красным Октябрем», отсутствие собст-

ства (в особняке генерала Юшкова на Мясницкой), одним названием декларирующая правопреемство «той самой екатерининской Академии», – заведение каstoffое и ориентированное на основателя.

Реставрация залов Большого Кремлевского дворца оказалась верхней точкой Глазунова на властной лестнице. Впрочем, покровительство Ельцина вряд ли можно назвать «близостью к власти» (как в случае с парой Церетели-Лужков). Возможно, Ельцин просто почувствовал в Глазунове что-то родственное – царь без царства, бывший демократ на троне, для которого власть – внешняя поза, а не внутренняя самодисциплина. Глазунов не близок власти, но он воспринимается как необходимая для ритуала шапка Мономаха.

«Непризнанный» живописец дождался признания. Но отстроенный особняк не имеет отношения ни к заслугам Глазунова, ни к пристрастиям чиновников. Он просто должен быть по логике вещей. Иначе не будет закрыта целая эпоха. Усмирить эту эпоху, вписать ее в историю и скорее забыть можно, как выяснилось, только парой-тройкой роскошных персональных музеев.

Глазунов не близок к власти, но он воспринимается как необходимая для ритуала шапка Мономаха

ция. Нынешние официальные художники выступают лишь частичным воплощением тех, кого называли «Великий Русский Художник» (Корин, Бродский, Налбандян). И роль у них не художественная, а социальная. Ведая или не ведая, они до какого-то момента исполняли перестроечный заказ: разложили и похоронили «Великого Русского Художника». Вынести на одних плечах это призвание никак невозможно. Его приходилось делить.

венной «школы» и убежденность в своей живописной непогрешимости.

Глазунову досталась «русскость». Национальность здесь ни при чем. В русофильстве Глазунова заложен целый клубок эстетических и государственных обязательств. С одной стороны, это Москва, Русь-матушка с иконами, заброшенными деревнями и мужиком посреди голого поля. С другой – блистательный Питер (свои питерские корни в последнее время Илья Сергеевич